

Рады представить нового автора – прихожанку нашего храма, постоянную читательницу газеты, филолога, сотрудницу Пушкинского Дома, ведущего специалиста по поэзии XVIII века.

Надежда Алексеева

ПОЭТ И ДРАМАТУРГ

27 (14) ноября 2017 года исполняется 300 лет со дня рождения Александра Петровича СУМАРОКОВА (1717-1777), замечательного поэта и драматурга.

Сумароков стоял у истоков русской поэзии и был одним из тех, кто определил её родовые черты. Кроме него, новую русскую поэзию создавали Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1768) и Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). Все три поэта были настолько разными, что трудно пред-

ставить, что они жили по соседству на Васильевском острове, были прихожанами Благовещенского (Ломоносов и Тредиаковский) и близко от него расположенного Андреевского (Сумароков) соборов, часто встречались, вначале дружески, потом всё труднее вынося один другого. В них всё было разным: образ мира, который они запечатлели в своих стихах, устройство ушей (слышания), гортани (выражения) — органов, определяющих поэтическую речь. Каждый из них задал свою тональность русской поэзии, и потому, что все три поэта были исключительных дарований, тональности эти не были произвольными, а были слышаны ими в гуле ещё только становящегося нового русского слова. Тредиаковский стоит в стороне, к нему восходит переводная поэзия и поэзия заимы. Ломоносов же и Сумароков стали родоначальниками двух основных направлений русской поэзии, которые уже не прекратятся, пока живо русское слово. Ломоносов услышал и передал гармоническое звучание русского слова, Сумароков — дисгармоническое. Поэзия Ломоносова исполнена светом и бодростью, поэзия Сумарокова — мглой, страстью и трепетом. Ломоносов — пращур Пушкина и О. Э. Мандельштама, Сумароков — Н. А. Некрасова и А. А. Блока.

Помимо непреходящей ценности поэзии Сумарокова, есть у него перед русской литературой и русским обществом и великие исторические заслуги.

Он начал писать в 1740 году, когда Тредиаковским и Ломоносовым только что была произведена реформа русского стиха, и стих из силлабического (ритм определяется равенством в строках слогов) стал таким, как сегодня, силлабо-тоническим (ритм определяется равенством в строках ударений). Но для того, чтобы создать новую полнокровную, не хуже французской или немецкой, поэзию, помимо стихосложения, требовалось полное обновление языка, освоение новых поэтических жанров, новых тем — всего строя поэзии. Мэтром в этой работе, долгой и трудной, был Ломоносов, с его безупречным чувством слова, с тончайшим поэтическим слухом. Однако он, увлечённый химией и другими науками, отрывался от них лишь на время, и, воспарив в очередной оде, возвращался в лабораторию. Возделывать ниву новой поэзии выпало на долю Сумарокова. Именно им были даны образцы и разработаны все её жанры: элегия, идиллия, эклога, стансы, сонет, баллада, эпистола, басня, сатира, эпиграмма.

Сумароков писал много, сочинял непрерывно. До нас дошло его наследие в десяти томах. Помимо поэтических произведений, в них — его трагедии и комедии, два тома прозы, образцы первой русской публицистики и критики. Разработка русской поэтической речи требовала многописания, надо было научиться выражать словом самые разнообразные чувства и мысли. По воспоминаниям современников, Сумароков ни о чём не мог говорить, кроме рифм и стихов. А судя по его поэтическому наследию, он постоянно пропевал внутри себя стихи, извлекая метры и ритмы, XVIII веку чуждые и заново открытые потом В. А. Жуковским и Н. А. Некрасовым:

Мя невинного злора почти уж расшибла,
Воздыхаю, стою и день я и ночь:
Плоть и кости иссохли, и сила погибла,
Не отходит тоска на мгновение прочь...
(Переложение 30 псалма).

Старый обычай и давняя мода
Были б ворота всегда на крепях,
В доме всегда у приказного рода
Пес на часах у ворот на цепи.
Дворник, забывшись, не запер калитки,
Следственно, можно втереться во двор;
В вымыслах мудрые остры и притки,
Входит мудрец тут, а именно вор...
(притча «Собака и вор»).

Порой у него вырывались стиховые шедевры, которым могла бы позавидовать сама Цветаева:

Трепещет и рвется,
Страдает и стонет,
Он верного друга,
На брег сей попадша,
Желает объять,
Желает избавить,
Желает умереть!

Современники в особенности любили песни Сумарокова о любви, которые распевала вся Россия, и его притчи (басни). Но и стихотворения в других жанрах высоко ими ценились. В течение 1740—1750-х годов Сумароков приучил русских людей к поэзии, живой и близкой их переживаниям. При этом он отнюдь не потакал публике, а, напротив, вёл её за собой, воспитывал чувства: в песнях и элегиях он учил с трагической серьёзностью любить, в эпистолах — тонко воспринимать мир, в трагедиях — возвышенно и мужественно относиться к невзгодам. Он приучал русских людей мыслить свои чувства языком поэзии. И это было для них совершенно новым.

Более всего воздействовал в то время на чувства театр. И Сумароков разработал русскую трагедию в самые первые годы своего творчества, сразу после песни. Его трагедии стали школой русской гражданственности, он учил в них гражданскому долгу, беззаветному служению Отечеству, именно ему принадлежит формула «сын Отечества». При известной зависимости трагедий Сумарокова от западноевропейского театра, он для большей их части выбирал сюжеты из национальной истории, что для европейского театра его времени было неслыханным. Верность русской традиции проявилась в осмыслении Сумароковым проблемы зла. Если в европейском театре преступление понималось как нарушение закона, земного или по-античному трансцендентного, у Сумарокова оно — грех перед Богом. Такое понимание сообщило его трагедиям, в особенности одной из первых «Гамлету» (1748) и последней и самой прославленной «Димитрию Самозванцу» (1771), иное, чем в западных трагедиях, измерение. Совершившие преступление герои Сумарокова не преступники в обычном смысле, а грешники, и вся трагическая проблематика сводится к тому, находят они в себе силы, как Гертруда, покаяться или не находят, как Полоний и Димитрий Самозванец. Сумароков оказывается прямым наследником театра св. Димитрия Ростовского, а через него православной и древнерусской литературы, предопределив одновременно гений Ф. М. Достоевского. Таким образом, он послужил передаточным звеном в казалось распадавшейся уже связи Древней Руси и новой России.

Невероятный успех трагедий Сумарокова определил открытие в 1756 году первого Русского театра, директором которого он был назначен. Помимо трагедий, Сумароков писал для театра оперы и балеты, а также комедии. Если на представлениях его трагедий рыдали, на комеди-

ях — хохотали. Сам он был чрезвычайно живым, артистичным, речь его пересыпалась остротами, в ходе разговора он комическим изображал всех подряд, вызывая общий смех.

В жизни Сумароков, кажется, не был особенно счастлив, чувствуя всё обостренно, болезненно переживая обиды, он не знал покоя. Сумароков боялся смерти. Ещё в молодости он переложил на стихи «Зряща мя безгласна» и «Плачу и рыдаю» из чина погребения мирских человек, а в течение жизни — всю Псалтирь, писал духовные стихи. Последние годы он жил в Москве, болел, бедствовал материально, новая поэзия его раздражала и приводила в уныние. Он умер за два года до того, как Г. Р. Державин написал свою первую гениальную оду «На смерть князя Мещерского» (1779), на которой, несомненно, лежит его, Сумарокова, родовая печать.

НА СУЕТУ ЧЕЛОВЕКА.

Суетен будешь
Ты человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,
Время проводит
Все, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава —
Все только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей.
(1759)

НА ОТЧАЯНИЕ.

Сонет.

Жестокая тоска, отчаяния дочь!
Не вижу лютыя я жизни перемены:
В леса ли я пойду, или в луга зелены,
Со мною ты везде и не отходишь прочь.

Пугаюсь всего, погибла сердца мочь;
И дома, где живу, меня страшат стены;
Терзай меня, тоска, и рви мои ты члены,
Лишай меня ума, дух муча, день и ночь!

Препровождаю дни единою тоскою;
К чему ж такая жизнь, в которой нет покою,
И можно ли тогда бояться умереть!

Я тщетно в жалобах плоды сыскать желаю.
К тебе, о Боже мой, молитву воссылаю —
Не дай невинного в отчаянии зреть!
(1769)

МУЖИК С КОТОМКОЙ.

Притча.

Без разбору не ври про чужие дела:
Та работа не так, как твоя тяжела.
Нет, не дивно нимало и мне, как тебе,
Что милее на свете всего ты себе.
Да чужого труда ты не тщишь умалять
И, чего ты не знаешь, не тщишь похулять.
Если спросишь меня,
Я скажу не маня,
Что честной человек
Этой гнусности сделать не может вовек.
Посмотри,
И держи то в уме.

Нес мужик пуда три
На продажу свинцу в небольшой котоме.
Нагибается он, да нелзя и не так,
Ведь не грош на вино он несет на кабак.
Мир ругается, видя, что гнется мужик;
Свинценосца не кажется труд им велик.
Им мужик отвечал:
«Труд мой кажется мал.
Только Бог это весть,
Что в котомишке есть,
Да известно тому,
Кто несет котому».